

Православие Златоуста и его врагов

Вопрос о верности истинному Православию имеет для церковного православного человека важнейшее значение. Безусловной ценностью обладает то православие, которое выражает неискаженное евангельское и апостольское учение в его дальнейшем раскрытии в католической традиции, (иными словами, те самые *апостол проповедание и отцов догматы*, которые *Церкви едины веру запечатлела*). Есть внешние признаки такого православия: ортодоксальное догматическое учение, принятое Вселенскими (и некоторыми другими авторитетными) соборами, каноническое право, литургическая традиция. Некоторые полагают, что этого и достаточно, что наиболее полно суть истинного православия выражает сборник анафем на еретиков (чем полнее, тем лучше) и Типикон с Номоканоном, и что сохранять православие означает сохранять верность именно этим книгам. Но даже если бы это было достижимо (хотя практически это не возможно ни при каких условиях), то каким духом вдохновлялось бы такое православие? История Церкви показывает, что при одинаковом вероучении и общем церковном устройстве, в одной и той же церкви, существуют и вступают в конфликт между собой евангельский дух подлинного христианства, и дух фарисейский, *еже есть лицемерие*. Фарисейское «православие» имеет такую же древность и такую же наружность, как и православие евангельское, с которым оно борется со времен Христовых.

Более наглядно понять эту проблему может обращение к историческим примерам, к опыту отцов Церкви, которые выражали православие в своей деятельности и в самой своей личности. Именно целостная личность (особенно личность выдающаяся) является носителем определенного духа, именно она выражает наиболее ярко и понятно какую-либо тенденцию или направление в духовной и церковной жизни. И здесь особый интерес представляет св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, и его конфликт с представителями иного духовного направления в том же православии. Сам св. Иоанн на 5 Вселенском Соборе был включен в число 20 **избранных отцов**, а позднее в первую пятерку, именовавшихся **отцами отцов**, и наконец, в тройку **вселенских учителей**. До сих пор он является наиболее почитаемым из церковных наставников в православном народе, а также и среди других христианских конфессий. Его авторитет прошел испытание временем и проверку многочисленных исследователей и критиков разных богословских школ, так и не нашедших у него ни ереси, ни какого-либо нравственного пятна. Св. Златоуст – несомненный эталон Православия, можно сказать, наставник всех христиан, кто даст себе труд вникнуть в его необъятное письменное наследие.

Но и среди непримиримых врагов Златоуста, тех, кто осуждал его на «соборе под дубом», жестоко гнал его сторонников, хулил его после его смерти, были те, кто причислены к святым. Главный враг св. Златоуста – Феофил, патриарх Александрийский, на том же 5 Вселенском соборе включен в то же число 20 избранных отцов, так же, как и еще один противник св. Иоанна – Епифаний, епископ Констанции Кипрской. В наших святцах стоят и другие противники Златоуста, занявшие при его жизни Константинопольскую кафедру – Арзакий и Атик. Лидер столичного монашества Исаакий, игумен Далматский, лидер сирийского монашества Акакий Веррийский также попадают и в святцы, и в ряды противников Златоуста. Все это разные по характеру люди с установившимися взглядами, с собственным опытом церковной жизни. Их жесткий конфликт со св. Иоанном невозможно свести к личным недоразумениям, тем более что эти люди не примирились со Златоустом при его жизни и до конца своих дней считали себя правыми в борьбе с ним. Знаменитая фраза из послания Кирилла, племянника Феофила, будущего его преемника на кафедре, к Атику, архиепископу Константинопольскому, говорит сама за себя, как и все это послание: «если Иоанн –

епископ, то почему Иуда не апостол?» Значит, все-таки речь идет о борьбе разных идеалов внутри одной ортодоксии и одной церкви. Можно сказать, что налицо разные образцы православия, разные виды христианства, причем несовместимые между собой, взаимоисключающие. И это происходит потому, что из многих частей, вместе составляющих церковную и духовную жизнь, одни учителя делают ударение на одном, а другие на другом. И для нашего времени этот конфликт между православием Златоуста и православием его врагов представляет особый интерес.

Церковная школа и ее учителя

Ни одного из отцов Церкви, начиная с апостолов и мужей апостольских, нельзя представить себе в отрыве от школы, которую он прошел. Школа формировала догматические убеждения, метод изучения и преподавания Св. Писания, основанный на миссионерском опыте именно данной школы, определяла самый стиль мышления своих воспитанников. Средние ученики оставались целиком только выразителями взглядов своей школы, по принципу: ученик не выше учителя своего. К выдающимся же ученикам, какими были отцы Церкви, во многом приложимы слова преп. Варсонофия Великого: «святые, превзойдя учителей своих, учили правильно. Но при этом они забыли спросить Бога, правильно ли учили их учителя, и сохранили многое из их учения». Даже самые выдающиеся богословы стояли на плечах своих предшественников, сохраняя многое из их наследия, даже если успели критически переосмыслить преподанный им материал.

Известно, что в IV-V веках важнейшими богословскими школами Востока были Александрийская и Антиохийская. Разница в подходах к богословским проблемам у этих школ оказала важное влияние на догматические споры того времени, тринитарные и христологические. Каждая из школ дала и своих ересиархов, и своих защитников правоверия. Каждая из школ имела свои сильные и слабые стороны, и свои крайности. Тезису одной школы, упрощенно говоря, соответствовал антитезис другой, а кафолическая истина утверждалась в качестве синтеза между этими тезисом и антитезисом. Для продуктивного развития христианского богословия эти школы нуждались во взаимодействии и взаимном дополнении. К сожалению, в реальной истории дело чаще всего сводилось ко взаимному соперничеству и борьбе этих школ и представляемых ими кафедр и, соответственно, воспитанных ими церковных деятелей и предстоятелей церквей.

Александрийской школе были присущи следующие основные черты: а) аллегорический метод прочтения Священного Писания в ущерб буквально-историческому, б) умозрение (феория) в ущерб логике, в) свобода в словесных формулировках, ведущая к определенной неточности и нечеткости в выражениях, г) мистика в ущерб этике, д) предпочтение элементам, заимствованным из неоплатонической философии, перед философией Аристотеля.

Антиохийская школа характеризовалась: а) буквально-историческим методом толкования Свящ. Писания, близким к современному, б) упором на логику рассуждений вместо созерцания, в) строгостью словесных формулировок, особенно догматических, с выяснением смысла каждого термина, г) предпочтением этике перед мистикой, д) заимствованием элементов философии Аристотеля.

Златоуст вышел из Антиохийской школы, которая во многом сформировала его как богослова и экзегета. Учителями его были святители Мелетий и Флавиан, архиепископы Антиохии, а также Диодор, епископ Тарса; все они были борцы с арианством, лидеры «новоникейской партии», столпы 2 Вселенского Собора 381 г. Златоуст был чужд крайностей своей школы, приведших впоследствии к несторианству (отрицанию личностного единения Бога-Слова и человека Иисуса).

Он жил более экзегетикой, чем догматикой, особенно же экзегетикой новозаветной (посланиями ап. Павла, прежде всего), причем в ее нравственно-практическом направлении. Абстрактных и отвлеченных тем он избегал. Учителей своих он почитал и искренне любил, и всячески их защищал. Так, став архиепископом Константинополя, он добился от Рима признания Флавиана архиепископом Антиохии (до этого Рим признавал в этом качестве раскольника Павлина).

Показательно, что дружеские отношения остались у Златоуста и еще с одним его учителем, главой риторской школы, философом Ливанием. Известно, что сам Ливаний был однокашником по Афинской академии со св. Василием Великим и Григорием Богословом и сохранял с ними дружеские отношения до старости. Будучи человеком честным и порядочным, Ливаний заступался за гонимых при Юлиане Отступнике христиан, хотя сам христианином никогда не был. Он писал императору, как тоже бывшему соученику по Афинам, письма с осуждением репрессий против христиан, как деянию, противоречащему философии. Ливаний много дал Златоусту в овладении классическим, аттическим языком, письменным и устным, так что своим прозвищем «христианского Демосфена» Златоуст в значительной степени обязан Ливанию. Ливаний ценил Златоуста, как самого способного своего ученика, и хотел иметь его своим преемником по риторской школе. Эти дружеские отношения великих отцов Церкви Василия, Григория и Иоанна с одним из лидеров языческой партии Ливанием показательны не только как общение интеллектуалов той эпохи и их взаимной терпимости при сохраняющихся разногласиях в вопросах веры. Все четверо не допускали принуждения в делах веры и совести. Отцы Церкви в этом отношении обуздывали своих «ревнителей не по разуму», а Ливаний – самого императора Юлиана.

И в отношении других неправо мыслящих св. Златоуст оставался на тех же позициях. Как он сам неоднократно повторял, он боролся с ересью, а не еретиками, опровергал ложные учения силою слова, а не проклинал людей, воздействовал на их ум и совесть убеждением, но уважая их свободу.

Противоположную картину, причем по всем пунктам, мы видим у Феофила, прошедшего Александрийскую школу. Феофил не был верен собственным убеждениям, но менял свои взгляды сообразно церковно-политической конъюнктуре. В известном тогда споре «оригенистов» с «антропоморфитами» он сначала поддержал первых, затем обрушился на них же с гонениями. В угоду большинству монахов «антропоморфитов» он анафематствовал Оригена и положил начало разорению заложенной им знаменитой школы. Заметим, что в начале IV века при начальниках Александрийского училища св. Петре и Александре основные заблуждения Оригена были исправлены, но лично его самого не трогали. Против личной посмертной анафемы на Оригена выступали самые великие Отцы Церкви: Афанасий, Василий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, воспитанные сами в значительной степени на его трудах. Показательно, как тот же св. Афанасий защищал от обвинений в арианстве одного из учеников Оригена и своего предшественника по кафедре св. Дионисия Александрийского. В этом св. отцы подражали благочестивым сыновьям Ноя, покрывшим наготу отца своего. Пастырская чуткость и сыновняя тактичность подсказывали им, что их предшественники, основавшие христианское богословие, как науку, пролагали новые пути и, как люди, иногда ошибались, но имеют право на снисхождение от потомков, ибо много подвизались за христианское благовестие, порой пострадали за него до крови и умерли в мире с Церковью.

Именно этих качеств: чуткости, тактичности и снисхождения, были лишены Феофил и его сторонники. Впоследствии ученик, племянник и преемник Феофила по кафедре св. Кирилл

Александрийский откровенно писал: "Когда оскорблен Бог в Его почитании, тогда быть милосердным небезопасно и даже весьма вредно. Пусть тогда исчезнет закон сочувствия и удалится сила естественной любви и все, что относится к человеколюбию, чтобы посредством **благочестивой жестокости** воздано было почитание Богу. Не благочестивым ли назовешь ты делом, чтобы немилосердно наказывались совершившие неизвинительное отступничество?" (цит. по[3], стр. 387).

Эти слова в значительной степени отражают общий дух эпохи. После императора Константина постепенно ересь стала считаться самым тяжким из всех зол, богопочитание всюду ценилось выше милосердия к ближнему и уважения его свободы. Не избежал такой расстановки ценностей по значимости и сам Златоуст. В его ранних сочинениях антиохийского периода можно найти сходные мысли, особенно в толкованиях на Ветхий Завет. Но дело здесь не в теоретическом суждении по поводу значимости богопочитания, а в конкретных делах людей. А здесь-то и видна колоссальная разница между Златоустом и его врагами.

Последующая история монофизитов, воспитанных в "вере блаженных отцов Феофила, Кирилла и Диоскора", слишком богата примерами "благочестивой жестокости" и, можно сказать, написана кровью. И первым, кто учил свою паству такому "почитанию Бога", как словом, так и личным примером, был именно Феофил. В 385 г. он руководил толпой, которая разгромила в Александрии языческий храм Серапиум, причем в побоище были сотни убитых и раненных христиан и язычников. В 399 г он опять с вооруженной толпой разгромил в Нитрейской пустыне скиты монахов-оригенистов и опять с убитыми и ранеными. Уцелевшие в том побоище монахи, вошедшие в историю с прозвищем "долгие братья", явились к Иоанну в Константинополь просить убежища, положивши этим невольно начало вражды Феофила к Златоусту. Наконец, вскоре после смерти Феофила толпа его сторонников посреди города забила насмерть известную женщину-философа Ипатию. Насилие было как бы визитной карточкой Феофила. Именно он завел у себя отряд параволанов. Первоначально это были волонтеры, подбиравшие на улицах Александрии нищих, больных и умирающих без погребения, а затем они превратились в личную охрану Александрийского папы, и было их около шестисот вооруженных мужей. В отношении инакомыслящих и, вообще, всех своих врагов Феофил разрешал себе любые средства, никакие моральные ограничения тут не действовали.

Показательно, что на "соборе под дубом" Иоанна среди прочего обвиняли в отказе от насилия по отношению к язычникам и в отказе изречь анафему на Оригена. Златоуст вслед за св. Григорием Богословом исповедовал, что "тайна спасения для желающих, а не для насилуемых". Свою паству он убеждал "подражать Христу, Который называет своим ближним не священника и не левита, а самарянина, отлученного от синагоги за учение, потому что он оказался милостивым". Златоуст напоминал, что Павел в своих посланиях употребил слово анафема лишь дважды, и притом не относя его к конкретным лицам. "Апостолы и их преемники, - продолжал святитель, - действительно, получили власть отлучать от церкви, но обличая и отвергая ереси, никто из них не подвергал проклятию людей, не осмеливался произносить такого приговора. Поэтому и церковь, следуя их примеру, ежедневно возносит молитвы о всех заблуждающихся" (цит. по [3, стр.333]).

Еще св. Василий Великий, ложно обвиняемый в аполлинаризме, писал: "у нас всегда так: кто нам неприятен, тот и не православен". Проф. Попов комментирует эти слова: "таким образом, прием, столь распространенный в наши дни – сводить счеты с противником на почве догматических укоризн, имеет за собою почтенную давность" [3, стр. 388]. Еще одним противником и антиподом

Златоусту был уже упомянутый выше Епифаний Кипрский. Он составил каталог ересей ("Панарий"), где анафематствованы среди еретиков даже греческие философы, жившие до Рождества Христова (например, Платон) и не имевшие никакого отношения к Церкви. Епифаний первым анафематствовал Оригена на Кипрском соборе, как "отца всех ересей". Прибыв в Палестину, он бестактно потребовал от Иерусалимского епископа Иоанна анафемы на Оригена, а после того, как тот отказался, Епифаний вопреки канонам рукоположил в чужой епархии пресвитера (им оказался брат блаж. Иеронима, причем хиротония была совершена насильно: ставленнику связали руки и заткнули рот). Прибыв по наводке Феофила в Константинополь для борьбы с «оригенизмом», Епифаний точно так же вел себя и в столице: отказался от встречи и объяснений со Златоустом, требовал анафемы на Оригена, совершал в чужой епархии неканонические служения и рукоположения клириков. В отношении тех, кого он считал еретиками (по принципу: не анафематствовали еретика, значит, сами еретики) Епифаний не соблюдал ни канонических правил, ни моральных норм, ни человеческих приличий, публично шельмуя пастырей перед их паствой. Уезжая из Константинополя, он велел передать Златоусту свое «пророчество»: ты умрешь не епископом. И получил ответ: а ты не доедешь до дома. По горькой иронии судьбы, оба пророчества сбылись вскоре.

Но история борца против ересей на этом не закончилась. На иконоборческом соборе 754 г было зачитано письмо Епифания против икон и приведен в пример его поступок в Палестине, где он в чужом храме разорвал завесу с изображением Христа и отдал ее на погребение нищим. Таким образом, Епифаний оказался одним из очень немногих церковных деятелей прошлого, авторитет которых к VIII веку можно было использовать для оправдания иконоборчества. Формально говоря, Епифаний подпадал под анафему 7 Вселенского собора, как именно **ругатель святых икон**. К счастью, отцы того собора с ним так не поступили, извинив его слова и дела неведением и низким уровнем осознания этого вопроса в его времена. Но все же, слова Христовы, что какой мерой мерите, отмерится и вам, частично оправдались на нем. Он усердно искал ереси у других и по факту впал в ересь сам. При этом определенная связь между отношением к вочеловечению Христову, выражаемому в иконе, и пастырским настроением, не уважающим человеческой свободы, прослеживается. Антропологический минималист в качестве пастыря рвет пополам лик Христа, и таким же образом поступает с человеческой личностью пасомого. Характерно, что в другом своем труде, «Анкорате», Епифаний излагает историю мелетианского раскола в Египте в начале IV века с явным сочувствием к мелетианам, по сути, к таким же раскольникам ультра-правого толка, - в очевидном противоречии со св. Афанасием, хорошо знавшим этих людей и много пострадавшим от них. Для Афанасия «мелетиане» - это новые фарисеи, глубоко испорченные люди; для Епифания – это исповедники, которые лишь слегка «перегнули палку».

Добавим, что со времен Златоуста обвинение в ереси стало мощным средством в борьбе с конкурентами. По византийскому законодательству, ересь была приравнена к уголовному преступлению, и наказание за нее было соответствующим – тюрьма и ссылка.

Соперничество патриархов

Дело Златоуста вскрыло еще одну болезненную тему, которая с тех пор и доныне доставляла много бедствий церкви, - соперничество патриархов, борьба церковных кафедр за первенство чести и власти. Эта борьба часто приводила к церковным расколам, к разделению церковного народа, хотя, разумеется, прикрывалась борьбой за православие или за каноны.

Константинополь был новым городом, основанным имп. Константином в 330-х годах на развалинах древнего Византия. Новая столичная церковная кафедра встретила соперничество со стороны старых кафедр. Никейский собор 325 г. знал три главных церковных центра: Рим, Александрию и Антиохию (в таком порядке). На Востоке первенство было за Александрией. Ее авторитет был возвышен знаменитой школой и ее учителями, такими предстоятелями, как св. Дионисий, Петр, Александр и особенно св. Афанасий. На Константинопольской же кафедре первые полвека сидели ариане. Но уже с первым православным епископом столицы св. Григорием Богословом начали борьбу преемники Афанасия – Петр и Тимофей. Так Петр прислал епископов, которые в тайне от св. Григория рукоположили ему конкурента, скандально известного Максимициана. На 2-м Вселенском Соборе 381 г., хотя и Максим был отвергнут, но египетские епископы все-таки добились удаления св. Григория из столицы. При содействии епископов антиохийских новый предстоятель столицы Нектарий добился для своей кафедры равенства чести с Римом (*«будучи вторым по нем»*), чем ущемлялись права Александрии.

Первенство чести не может не сопровождаться определенным преимуществом власти. Первенство епископа предполагает его право собирать соборы и председательствовать на них, определять их повестку, принимать апелляции на нижестоящие церковные суды, производить ревизии – все это в рамках канонического права. Столичный же предстоятель, благодаря близости к императору и двору, получал в свои руки определенный «административный ресурс». Все это рассматривалось Александрийским епископом, как угроза своей власти и своему влиянию. Грехи борьбы с конкурентами своей кафедры стали уже не личными, а должностными грехами, передававшимися по наследству.

Феофил, как человек особо властолюбивый, перевел эту борьбу кафедр на новый уровень, поставив задачу уничтожить самостоятельность Константинопольского епископа и поставить в полную зависимость от себя. Когда после смерти Нектария ему не удалось провести в столицу своего кандидата, он стал искать все способы повалить нового епископа - Иоанна, пришедшего из враждебной ему Антиохии. Ему удалось создать против Златоуста широкую коалицию, включавшую в себя самые разнородные элементы: недовольных столичных клириков, соседних епископов (в том числе низложенных за симонию), бродячих и бесчинно живущих столичных монахов, представителей придворных кругов и чиновничества. К каждому из недовольных Феофил сумел подобрать свой «ключик». Епифания он привлек к себе, как «борца с оригенизмом», монахов и клириков, как их якобы покровитель, соседних епископов, как борец с притязаниями столичной кафедры. Лучшим из этих «ключиков», как всегда бывает, оказался золотой – многочисленные дорогие подарки, «евлогии» (благословения), по сути, взятки, подносимые разным чиновникам и придворным. Поскольку Александрийская церковь того времени была самой богатой в империи, то средств на подкуп коррумпированной столичной бюрократии у египетского папы хватало. Подкуп столичных чиновников александрийскими патриархами стал со времен Феофила своеобразной традицией, которую после него с новым размахом продолжили его преемники Кирилл и Диоскор.

Профессор Попов справедливо писал: «Обыкновенно говорят: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. С не меньшим правом можно судить о человеке, зная, кто его враги. По большей части вражду создают не частные столкновения, - они служат только поводом, а различие моральных типов. Характер открытый, мужественный, способный самоотверженно защищать дело справедливости оскорбляет самым своим существованием лукавого, трусливого и злого эгоиста». Вот и против Златоуста объединились люди порочные, морально неустойчивые, завистливые, которым он не давал ходу.

Иоанн Златоуст объективно поднял авторитет столичной кафедры. Точнее сказать, его преемники старались максимально использовать его посмертную славу для поднятия престижа столичного патриархата, - как и Александрийские папы использовали авторитет св. Афанасия. Но сам Иоанн, как и Афанасий, не желал искусственно поднимать престиж своей кафедры, тем более за счет унижения других и путем борьбы с собратьями по сану. Поэтому он в борьбе кафедр не участвовал; боролись с ним, но сам он с конкурентами не боролся. Он не использовал в своих целях не только столичный административный ресурс и свою личную популярность в народе, но и некоторые вполне легальные возможности. Грязными методами Феофила, такими как подкуп, интриги и клевета, он органически гнушался. Дешевую демагогию и саморекламу тоже не признавал. Он очень ценил церковное единство и ради него готов был пожертвовать своей персоной, как прежде него поступил св. Григорий Богослов, добровольно удалившийся из столицы, когда увидел, что становится причиной разделения на 2 Вселенском соборе.

Златоуст боролся за правду, нравственную и евангельскую, и боролся за нее законными, каноническими методами. Для него и высокая цель не оправдывала любых средств. Известно, что в 400 г, получив жалобу от одного из епископов Ефесской митрополии о процветающей там симонии (торговля санами и церковными должностями), он тщательным образом расследовал это обвинение. Собрав представительный собор из 70 епископов, он лишил там сана шестерых главных виновников симонии, поставив на их места новых лиц. На соборе «под дубом» ему это было поставлено в вину, т.к. Ефесская митрополия тогда прямо не подчинялась Константинопольскому епископу. В данном случае для Златоуста нравственная правда была выше формально-канонической, и он вмешался в дела соседней митрополии, но сама процедура церковного суда была проведена им по канонам.

Получив обвинения на Феофила, в связи с делом нитрейских монахов и другими его преступлениями, Златоуст тоже не спешил с судом над своим соперником, дожидаясь более обширного собора. Этим он упустил инициативу из своих рук, чем воспользовался Феофил, сумевший из обвиняемого превратиться в обвинителя и «дело Феофила» превратить в «дело Иоанна».

Собор «под дубом», осудивший св. Иоанна, вошел в историю церкви, как образец беззакония. Содержание его протоколов дошло до нас лишь через конспект патриарха Фотия из его знаменитой библиотеки. Производивший суд Феофил нарушил многие канонические правила: совмещал в одном лице обвинителя и судью, вмешался в чужую епархию, где не имел судебных прав, привез с собою почти три десятка египетских епископов «для массовости», принял в состав суда лишенных сана епископов и клириков и др. Златоуст, сам юрист по первому своему образованию, не признал законности такого суда и требовал более представительного собора из беспристрастных судей – епископов Италии во главе с папой Римским Иннокентием. Папа Иннокентий поддержал св. Иоанна и прислал в Константинополь своих легатов, но их арестовали имперские чиновники. Император Аркадий совершенно выпустил ситуацию из-под контроля, отдав все в руки Феофила и его команды. На Востоке во всех церквях сторонники Златоуста подверглись репрессиям и гонениям, Рим же и Италия поддерживали его до конца.

Формально св. Иоанн проиграл своим врагам, потому что был связан и внешними каноническими правилами церкви и, главное, внутренне – евангельскими нравственными нормами. Он не мог себе позволить тех методов борьбы, к которым прибегали его гонители, свободные и от нравственных правил, и от церковно-канонических. Но, кроме того, он и не ставил себе такой же

цели, как и Феофил – первенство своей кафедры на всем Востоке. Златоуст боролся за качество своей церкви, за нравственный уровень клира и паствы, за внедрение в общественную жизнь евангельских начал, а не за честь и власть Константинополя. Права столичного епископа были для него только средством для более действенной христианизации столицы империи, но не целью. Борьбой за первенство Константинополя занялись уже преемники Златоуста, особенно после Халкидонского собора. Они уже «играли по правилам Феофила» и больше не проигрывали Александрии, добившись вскоре первенства на Востоке. Правда, эта победа досталась им дорогой ценой: весь Египет стал монофизитским, а потом попал под власть ислама. И вообще, после V века из-под власти Константинополя один за другим уходили целые народы. А в самой столице внешнее торжество кафедры было тесно связано с понижением нравственного уровня паствы с развитием внешнего фальшивого благочестия (ипокрисии), с которым как раз и боролся Златоуст. Внешнее отстраивание церковной системы, борьба за ее утверждение в мире всегда идет за счет потери духовного качества.

Отношение к клерикализму

Со времен императора Константина христианская церковь была привлечена к активному участию в общественной жизни, получила права по христианизации империи. Основные права достались иерархии и клиру. Они были освобождены от налогов и других повинностей, подсудны, кроме особо тяжких преступлений, только церковному суду, получили право предоставлять церковное убежище обвиняемым и вмешиваться в судопроизводство, а также иные права и льготы. Вместе с юридическими привилегиями к иерархии в послеконстантиновскую эпоху пришло откровенно богатое материальное положение. Предстоятели церквей получили в свои руки огромные доходы и пожертвования, значительную часть которых они тратили на себя. К концу IV века те епископы, которые пытались сохранить идеал евангельской бедности, оказались в явном меньшинстве, большинство же привыкло жить на уровне высшей имперской бюрократии, с которой ежедневно общалось.

В совокупности полученные богатства и права формировали у епископата новое самосознание – второго (если не первого) сословия в христианской империи, новой аристократии, призванной повелевать во имя Божие, господствовать над мирянами, которые должны только им подчиняться и их содержать. Евангельская заповедь Христа ученикам: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20, 26-27), - при этом забывалась теми, кто ощущал себя в первую очередь лицами, облеченными властью, а не учениками Христа.

Таким был, например, предшественник Златоуста – Нектарий, бывший вельможа, из оглашенных, попавший сразу в епископы Константинополя вместо несправедливо удаленного Григория Богослова. Он был умелый церковный политик, не делал того, чего можно не делать, никому «не докучал моралью строгой», почему бесконфликтно 16 лет занимал столичную кафедру до самой кончины, после которой благополучно причислен к святым. Подобным ему было и большинство воспитанного им духовенства, которое любило роскошные особняки и одежды, банкеты и колесницы и прочие удобства жизни, общение с богатыми и высокопоставленными лицами. Эти люди очень хорошо различали своих, подобных им, от чужих, им не подобных. Златоуст был для них чужим по духу, навязанным императорской волей. Поэтому большинство столичного духовенства сразу составило ему оппозицию, сначала просто саботируя его указания, а затем перейдя и в наступление.

Большую часть обвинений против Златоуста на соборе «под дубом» представило именно столичное духовенство. Характер этих обвинений наглядно показывает нравы самих обвинителей. Одним из них был некий дьякон, лишенный Иоанном сана за то, что забил насмерть своего раба-отрока, - и он считал решение архиепископа несправедливым! Другой дьякон за уголовное преступление был выдан святителем в руки светского правосудия. Многие клирики были запрещены в служении за то, что жили вместе с агапитами (синезактами) – якобы «духовными возлюбленными» (совместно живущие), имевшими при этом статус церковных дев. Такое сожительство включало совместный кров, баню и трапезу, хотя при этом соблазнитель утверждал, что их отношения якобы только духовны. Бесконтрольность жизни и безнаказанность за проступки вкупе с лицемерием и двойной моралью (когда для мирян проповедуется одно, а сами живут по-другому) привели таких клириков к полному развращению. Даже Златоуст не мог исправить таких людей, он мог только от них пострадать.

Как отмечают церковные историки, Златоуст был церковным деятелем прошедшей, доконстантиновской эпохи. Он принципиально не любил роскошь и вел очень простой образ жизни, избегая приемов и банкетов и всякой пышности. Он и другим не давал красиво пожить. Освободившиеся средства он использовал для благотворительности, создав приюты и больницы. Социальная программа Златоуста, основанная на евангельском идеале и добровольных пожертвованиях, - это отдельная тема. Здесь он явился продолжателем таких святителей, как Василий Великий и Мелетий Антиохийский. В отличие от большинства столичного духовенства большинство столичных мирян быстро и искренне полюбило святителя, сохранив ему верность.

В конфликте со Златоустом оказались не только порочные клирики, подлежащие каноническим прещениям, но и церковные карьеристы и политиканы, копировавшие нравы столичной имперской бюрократии. Такими были, например, Арзакий, брат Нектария и Аттик, старшие пресвитеры нектариевской школы, возглавившие оппозицию, добившиеся низложения Златоуста и сами при его жизни занимавшие Константинопольский престол (и тоже попавшие в святцы). Это были ловкие церковные политики, умевшие угождать при дворе, тонко чувствовавшие конъюнктуру, вовремя менявшие покровителей, умевшие делать собственную карьеру и при этом поднимать престиж кафедры. В Златоусте их раздражало отсутствие политической гибкости, прямолинейность и бескомпромиссность. Некоторые церковные историки признают, что Златоуст действительно был недостаточно гибким для столичного епископа, что между его прямоотой и греховным человекоугодием пролегла широкая полоса допустимого компромисса. Например, св. Василий Великий, не будучи человекоугодником, все-таки более тонко чувствовал церковную обстановку, был более умелым церковным администратором. Но человек един, и его недостатки суть обратные стороны его добродетелей. Златоуст был таким, каким был, а именно пастырем, прежде всего, а не церковным администратором. В родной Антиохии его пастырская деятельность имела большой успех и приносила большие плоды, а в столице ему гибкости не хватало. Однако из последующей истории столичной церкви известно, что когда ее кафедру занимали некоторые необразованные монахи, то они нередко совершали много бестактного и грубого по отношению к пастве, много антиканонического по отношению к клирикам, то есть, тоже не проявляли политической гибкости, но это никогда не приводило к таким конфликтам, как в случае со Златоустом. Главным было другое – столкновение двух разных видов пастырства.

Об этом свидетельствует очевидец конфликта, сторонник Златоуста, пострадавший вместе с ним, св. Палладий, епископ Еленопольский, в своем «Диалоге с римским диаконом Феодором о жизни блаженного Иоанна Златоуста». По его мнению, это было столкновение двух типов

пастырства, несовместимых между собою: пастырства в духе Христовом и лжепастырства в духе Каиафы. Лжепастыри насмерть стояли за свое господствующее положение над народом Божиим, над виноградником Господним, и в борьбе за это *мнили приносить службу Богу* (см. Ин. 16, 2), гоня тех, кого считали врагами своего сословия, и, в конечном счете, оказывались богопротивниками. Живым воплощением такого антиевангельского пастырства, по мнению Палладия, явился Феофил Александрийский, "фараон", по точному выражению Златоуста. Сам же Златоуст, по мнению Палладия, был образцом пастырства в духе Христа, в духе евангельского служения Слову Божию и ближним. Это пастырство завершилось крестным подвигом – изгнанием и смертью, т.е. видимым поражением в этом мире, но победой духовной, в мире невидимом. Последующая церковная традиция приняла этот взгляд на личность и служение Иоанна Златоуста, даже отказавшись от рассмотрения морального облика его противников.

Отношения с монашеством

С первого взгляда кажется непонятным, каким образом среди врагов Златоуста вместе с любителями широкого и просторного пути – придворными и столичными клириками, оказались монахи с их идеалами аскетизма и удаления от мира. Ведь известно было, что св. Иоанн в течение шести лет до своего рукоположения сам подвизался монашеским подвигом, в том числе два года отшельником; он составил немало слов в похвалу монашескому идеалу и деланию. И, тем не менее, столичное монашество во главе со своим лидером Исаакием, игуменом Далматским, составило активную оппозицию святителю. Авва Исаакий на соборе "под дубом" представил свое обвинение ему из целых 17 пунктов!

Формальным поводом к конфликту стал вопрос о контроле над монашеством. Первоначально в IV веке монашество возникло, как движение аскетов-мирян, без всякого благословения со стороны иерархии. Возникшие вблизи и вдали от городов общины монахов признавали авторитет только своих харизматических лидеров. Эти старцы не имели священного сана, но претендовали на власть на основании откровений от Бога и наличия у них чрезвычайных духовных даров. При этом они нередко отказывали в послушании епископам, не проводившим подобную им аскетическую жизнь. «Как я могу слушаться епископа, который употребляет в пищу мясо!» - передают слова преп. Пахомия. В значительной степени повторялся конфликт между иерархами и харизматиками, наметившийся еще в позднеапостольские времена и резко проявившийся во II веке в движении монтанизма (и, к сожалению, не только в нем). В монашеской среде периодически оживали и набирали силу разные еретические идеи, связанные с аскетическим надрывом, аскетическим законничеством и превозношением, с ложной мистикой, помноженными на отсутствие богословского образования. В то же время, в IV-V веках монашество приняло исключительный размах в империи, привлекая в свои ряды десятки и сотни тысяч человек преимущественно из низших классов и слоев общества, и таким образом, стало не только церковным, но и социальным явлением, новым социальным слоем лиц, не платящих налоги, не трудящихся на государство, не растящих детей и не несущих воинской повинности. Это беспокоило и церковные, и светские власти.

Начиная со св. Афанасия иерархи старались «приручить» монашескую стихию, поставить ее под контроль, ввести в состав церковной структуры. Св.Афанасий широко привлекал монахов в состав клира и иерархии и добился поддержки самого многочисленного монашества – египетского. В других местах, например, в Понте и Каппадокии у св. Василия великого епископы тоже старались упорядочить монашество, подчинить его определенным уставам, прикрепить к монастырям,

наладить в монашеских общинах литургическую жизнь. Опасения иерархов были вполне основательны, поскольку к тому времени был уже богатый опыт, как движения аскетов и харизматиков превращались в секты, разрушительные как для церкви, так и для общества в целом. Св. Василий Великий, его брат Григорий Нисский и их ученик Евагрий положили начало монашеской аскетической письменности, сформулировали монашеский идеал личного духовного совершенства и порядок духовного восхождения, борьбы со страстями, очищения ума и сердца подвижника. Писания позднейших ученых монахов, соединивших в себе знание Свящ. Писания с практическим опытом, обогатили христианскую антропологию и этику.

Но этот «ведущий творческий слой» в многотысячном монашестве был довольно тонок. Большинство монахов, выходцев из черни, более нуждалось в «фельдфебелях, чем в Вольтерах», в тех, кто их "в шеренги построит и успокоит", а не тех, кто будет им рассказывать о высоких духовных состояниях. Особенно это касалось монашества, возникшего внутри и возле больших городов, особенно столицы. Именно это городское монашество вызвало возмущение Златоуста своим бесчинным образом жизни. Множество столичных монахов селились на кладбищах и в городских башнях, бродили по улицам и рынкам, попрошайничали, предсказывали будущее разным лицам, забредали в корчмы, участвовали при случае в разных уличных беспорядках. Под предлогом борьбы за православие они собирали толпы народа, чтобы громить языческие храмы и статуи, и провоцировали конфликты на религиозной почве. В связи с этим еще в 390-х годах императором Феодосием старшим были изданы указы, запрещающие монахам бродить по городам и устраивать беспорядки. Но издать такой указ было намного легче, чем его исполнить. Ко времени прибытия Златоуста в столицу ситуация не изменилась. Монахи по-прежнему не признавали никакого контроля над собой со стороны епископов, подчинялись только своим старцам, а часто вообще делали, что хотели. Попытка Златоуста обуздать таких монахов успеха не имела, он только нажил себе новых врагов.

Но у Златоуста произошло столкновение не только с бесчинными лжемонахами, проводившими совсем не монашескую жизнь и подпадавшими под канонические прещения, но и с лидерами монахов, такими, как Исаакий Далматский и Акакий Веррейский. Очевидно, что их взгляды на монашество сильно различались. Для Златоуста монашество было путем личного нравственного совершенства, причем евангельская этика была важнее и мистики, и телесной аскетики. Монашеская община должна была равняться на апостольскую общину. В основе монашеского подвига должен был лежать евангельский образец, а не что-либо иное. Поэтому выше монашества Златоуст ставил пастырство, как более способствующее выполнению заповеди о любви к ближнему. Для Златоуста монашество должно было быть наилучшим приближением к Евангелию, совершенным христианством, что исключает идею монашеского господства и привилегии. Монашество должно служить ближним, а не требовать, чтобы его обслуживали.

Взгляд противников Златоуста на монашество, напротив, основывался на ветхозаветных образцах. Монахи рассматривались здесь как прямые наследники ветхозаветных пророков, особые посланники Божии, в роли Илии, призванные обличать всех и вся, вплоть до священников и царей, предсказывать бедствия и проклинать непослушных. А за это и получать с народа «начатки» от гумна, давяльни и точила, как это подробно описано в Дидакхе. Лидеры монашества очень рано вкусили сладость власти над душами своих послушников, отдававших свои души и тела в их распоряжение, «как железо кузнецу и как глину горшечнику». Беспрекословное послушание старцу, как главная заповедь для сотен и тысяч послушников, стало серьезным искушением для монашеских наставников. Эта реальная власть, безусловно, превосходила власть любого епископа

над своей паствой. Власть епископа была внешней, власть старцев – и внешней, и внутренней. Любой епископ был подотчетен собору епископов своей области, старец неподотчетен никому. Мирянин слушается своего пастыря лишь пока ему исповедуется, к тому же он несет социальные и семейные повинности, вовсе не зависящие от пастыря. А послушник, кроме своего старца, никакого реального начальства над собою не имеет, он отдан старцу тотально. Это и есть то самое не евангельское отношение в монашестве, которому противостоял Златоуст.

Через полвека после Златоуста ситуация отчасти повторилась. Большинство столичного монашества поддержало лидера монофизитов, архимандрита Евтихия в его борьбе против Константинопольского архиепископа Флавиана, который вскоре и погиб в этой борьбе от побоев, причиненных ему монашеской толпой на Разбойничьем соборе в Ефесе 449 г. Одновременно большинство и египетского, и сирийского монашества встало в ряды монофизитства и придало этому движению народный размах и силу. Монофизитское богословие в его простонародном понимании исключало человеческую природу Христа, не видело Его снисхождения и сострадания к людям, не желало заметить, что Новый Завет открывает в отношениях Бога и человека нечто большее, чем схема "раб – Господин". Духовному опыту тотального монашеского послушания именно это и соответствовало. Потому-то эти необразованные монахи во главе со своими аввами бесчинствовали на Разбойничьем соборе, избивая и убивая всех несогласных. Затем они же пытались сорвать и Халкидонский собор 451 г, который спасла на этот раз только императорская стража. Халкидонский собор под свежим впечатлением принял ряд правил, обуздывающих бродячее монашество, подчиняющих всех монахов и их игуменов местному архиерею. Но монашеское самовольство от этого не исчезало, почему и Трулльскому (695 г) и 7 Вселенскому (787 г) и Двукратному (861 г) соборам приходилось повторять эти правила о подчинении монахов иерархии и запрещении монашеского самоволия.

История никоим образом не оправдала тот тезис, что якобы иерархическая дисциплина мешает проявлениям и водительству Святого Духа, топит христианскую жизнь в ритуализме и фарисействе. В реальной жизни получилось почти наоборот. Харизматы, притягавшие на водительство от Духа, на пророчество и другие духовные дары, несли в Церковь и ритуализм и антиевангельское пастырство, то есть именно фарисейство в широком смысле слова.

Именно фарисеи во времена Иисуса Христа были во главе иудейских ревнителей благочестия. Их раввины успешно оспаривали у первосвященников-саддукеев духовный авторитет в народе, духовную власть над ним. Фарисеи находились в конфронтации с саддукеями, отвергали их либерализм и любовь к роскоши, проримские и прогrecеские симпатии, стояли как бы за чистоту жизни по Закону. И при всем своем традиционализме и консерватизме именно фарисеи оказались главными противниками Христа и Его апостолов. Парадоксальным образом в борьбе против Иисуса они временно примирились и с саддукеями. Жизнь и проповедь Христа равно мешали и тем, и другим.

Во всяком случае, эта евангельская параллель вспоминается, когда видим, как константинопольские монахи во главе с аввой Исаакием поддержали Феофила против Златоуста. Только что Феофил своих монахов подмял под себя жестокими репрессиями, разгромил нитрейские скиты; уцелевшие жертвы этих репрессий нашли убежище у Златоуста, который ни с кем не расправлялся, а только призывал бесчинников к порядку. Парадокс! Чем Феофил оказался милее монашескому сердцу, чем Иоанн? Где-то в глубине души "фараон" Феофил и "фараончики" из монашеских старцев оказались ближе и понятнее друг другу, нежели их общий оппонент.

Союз фарисеев и саддукеев, невозможный при других обстоятельствах, реально сложился против Иисуса Христа. И впоследствии подобные союзы складывались против тех лиц, которые наиболее полно выражали дух Христов, начиная с ап. Павла. Таким человеком и был Златоуст, горячий почитатель Апостола и продолжатель его пастырской традиции.

Впрочем, дело Златоуста разделило монахов Востока. Святителя поддерживали такие авторитетные монахи, духовные писатели, как преп. Иоанн Кассиан, уже упоминавшийся Палладий, преп. Исидор Пелусиот. Их согласное свидетельство является очень важным для нас, поскольку позволяет проникнуть в самую суть этого духовного конфликта, возраст которого равен Евангелию.

Отношения с императорской властью

Многие историки в описании «дела Златоуста» ставят ударение на его конфликте с императорским двором, особенно с царицей Евдоксией. Такая компоновка темы изначально позволяла увести в тень главных врагов св. Иоанна – церковных деятелей, и представить в качестве «козы отпущения» женщину, вполне открытую для критики. Реальную роль Евдоксии, дочери франкского военачальника Баута, не стоит преувеличивать. Как дочь «варвара», она долгое время не имела связей и опоры при дворе и сама искала помощи у Иоанна от произвола всесильного временщика Евтропия. Впоследствии она стала скорее орудием в руках придворной партии, враждебной Златоусту, нежели самостоятельным действующим лицом. При этом, будучи суеверной, она колебалась, боялась гнева Божия, почему вскоре после первой ссылки возвратила святителя назад, испугавшись грозы и пожара в столице. Наконец она рано скончалась в 404 году, за три года до кончины святителя, но это не принесло ему никакого облегчения. Настоящие его враги Божьего гнева не боялись и ни в чем не колебались.

Подлинная проблема в Константинополе после смерти императора Феодосия Великого (+395 г) заключалась в вакууме власти. Преемники великого императора, его дети и внуки, оказались монархами «никакими». В столице на полвека, до 451 г установилась «власть женщин и евнухов». Жёны и сёстры императоров Аркадия и Феодосия Младшего оспаривали власть друг у друга при помощи евнухов-министров. Например, тот же Евтропий, добившийся поста первого министра, был из рабов; оскотенный в детстве, одно время он обслуживал содомитов (!) Физический и нравственный урод, он прославился коррупцией в особо крупных размерах, интригами и жестокими расправами над конкурентами. Подобным ему был и первый министр при Феодосии II евнух Хрисафий и другие. Евнухи во власти и возле власти стали бичом Византии и одной из главных причин ее конечной гибели. Они расхищали казну, губили армию, уничтожали лучших представителей аристократии, сквернили репутацию Византии в других народах, чем в совокупности постоянно расшатывали ее трон. Император Аркадий не был злым или порочным человеком, но совершенно бесхарактерным и безвольным, плывшим по течению, подчиняющимся влиянию то одних, то других придворных группировок. Его присутствие как бы совсем не ощущалось в государственной жизни. В результате власть яростно оспаривали друг у друга временщики. В придворные интриги втягивалось и столичное духовенство, и иерархи.

Златоуст принципиально не участвовал в этом политиканстве, держался на расстоянии от двора и его интриг. Но при этом он готов был оказать по побуждениям евангельского милосердия помощь гонимым и обиженным, причем без лицепрития. Так он заступился за молодую императрицу, притесняемую Евтропием. После переворота и падения Евтропия, он не отказал временщику в праве церковного убежища и не выдал Евтропия на расправу. Этим осталась очень

недовольна императрица, и с этого момента началась ее вражда к святителю. Затем Иоанн во время мятежа наемного готского войска под началом Гайны ездил послом к нему и добился сохранения жизни трех сановников, захваченных готами. Но когда в Константинополе случился народный мятеж и отряд готов, укрывшийся в готской церкви, был уничтожен, а церковь сожжена, святитель резко осудил это злодеяние. Заступничество за непопулярных лиц, за наемных «варваров» создало ему немало личных врагов. Но и в этих случаях Златоуст поступал как служитель и свидетель Евангелия, обуздывая низменные страсти людей. И в этом смысле он был совсем «не византийцем».

Его позиция была более разумной даже с точки зрения государственной пользы. Одряхлевшая империя нуждалась в новых народах, которые могли бы ее усилить, дать ей солдат и земледельцев. Готы, которые уже приняли христианство, хотя и в арианском виде, могли стать таким народом. Они нуждались в пастырской и просветительской работе с ними. И Златоуст такую работу проводил. Он открыл для них в Константинополе церковь, где совершалась православная служба на готском языке – эту церковь и сожгли вместе с людьми во время мятежа. Готы уважали Златоуста, но не могли уважать евнухов и взяточников. А византийское коварство и вероломство постепенно превращали их во врагов империи.

Златоуст, при всей его отрешенности от политики, ясно сознавал объективные нужды государства и современного ему общества и направлял сюда церковные силы. Одним направлением было социальное служение, уменьшение пропасти между самыми богатыми и самыми бедными. Другим направлением было миссионерство внутри и вне империи, проповедь Евангелия в Финикии, в Армении, в Причерноморье. Третьим было улучшение общественных нравов. Вся эта деятельность объективно укрепляла государство, придавая ему устойчивость.

Златоуст был чужд, как заискиваний перед двором и императором, так и участия в какой-то борьбе против императора, пусть даже за права церкви. Он не мог и в этом отношении уподобляться Феофилу, который однажды во время мятежа заготовил заранее два поздравления: одно императору Феодосию, другое – его врагу Максиму, приказав вручить нужное победителю. История эта раскрылась, и только великодушие Феодосия избавило Феофила от заслуженных неприятностей. Для Иоанна же правда Божия была выше любой «церковной пользы».

Златоуст действительно считал священное служение выше царского, но в духовном, идеальном измерении. Право совершать евхаристию и примирять человека с Богом он считал выше права управлять государством и казнить людей. Но это не значит, что он считал, будто первосвященники вправе приказывать царям. Он не держался какого-либо «папоцезаризма», вроде средневековой римской «теории двух мечей» (духовного и светского) в руках папы. Поэтому никакой оппозиции императорской власти Златоуст не составлял. Даже несправедливый приговор о своем изгнании он принял и постарался предотвратить возможные народные беспорядки по этому поводу. Изменения своей участи он ожидал от законного церковного собора, подтвержденного императорской властью, но не от народного мятежа или дворцового переворота.

Очень важно, что при втором своем изгнании Златоуст заповедал своим сторонникам признавать нового Константинопольского епископа, не устраивать схизматического общества, вроде антиохийских «павлиниан». Этим Златоуст качественно отличался от позднейших столичных патриархов, вроде Игнатия или Арсения, которые заклинали паству не признавать их преемников и

анафематствовали своих противников. В отличие от основателей расколов «игнатиан» и «арсенитов», св. Иоанн не создал общества во имя свое.

Поэтому любой нормальный император не дал бы в обиду такого святителя, сотрудничество с которым обещало много пользы для империи, а удаление принесло немало бедствий. К сожалению, императорский трон от Феодосия Великого до Маркиана стоял, можно сказать, вдовствующим. А женщины и евнухи при троне отдали церковь «фараону» Феофилу и ему подобным. Церковные «фараоны» в свою очередь, домогаясь первенства чести и власти, произвели в империи V века много церковных и государственных потрясений, сопровождавших монофизитскую смуту и имевших для Византии катастрофический характер. Можно еще добавить, что такой монарх, как царь Петр Великий, которого обвиняют в подчинении церкви государству, очень почитал св. Иоанна Златоуста и в своем «Духовном регламенте» обязал русское духовенство еженедельно читать народу поучения святителя – чего оно к стыду своему не делало. И можно не сомневаться, что если бы на Константинопольском престоле вместо Аркадия был Петр I или Николай I, то спор был бы ими решен в пользу Златоуста, а не Феофила.

Не придет Царство Божие приметным образом

Последующая история восточной церкви в период Вселенских соборов прошла преимущественно под знаком догматических споров и сопряженных с ними разборок между патриархатами. При этом поднятые святителем Иоанном вопросы нравственные и пастырские постоянно оказывались задрапированными чем-то другим, хотя вероятно, что в самом корне проблем лежали именно они. Евангельский идеал практического, деятельного христианства был также отодвинут в сторону, его место заняла формальная ортодоксальность и каноничность. Результаты такой перестановки акцентов были печальны. Из православной церкви после V века ушли целые народы и патриархаты, фактически весь негреческий Восток. Миссионерские труды предшествующих веков в значительной степени погибли. В самой Византии сформировался особый тип внешнего формального благочестия, неразрывно связанный с лицемерием и коварством, отталкивающий самые разные народы Востока и Запада. В официальной церковной политике утвердилась традиция не Златоуста, а его врагов.

Но при этом в лучшей части церковного народа, в духовно чутких пастырях Восточной Церкви память о великом святителе и его заветах никогда не умирала.

Можно ли как-то объяснить уроки «дела Златоуста»? Мы видим, что формального признака, по которому можно было бы четко отличить добро от зла, в данном случае нет. Невозможно четко указать социальный слой, церковную партию, догматическую доктрину, по которой враги Златоуста четко отделялись бы от его друзей. Среди богатых и бедных, среди епископов и монахов, среди простого народа, среди образованных и неграмотных, среди эллинов и варваров мы найдем как врагов святителя, так и его друзей. И в то же время нельзя сказать, будто и Златоуст, и его враги были неправы, но только в разной степени; напротив, добро и зло, царство мира сего и Царство Христа, в этом конфликте ясно разделились и персонифицировались. Нет лишь именно **формального** признака такого разделения!

Чтобы в будущем вывести церковь на путь Златоуста – если бы кто задался такой благородной целью – опять же невозможно найти оптимальное формальное решение. Переиначьте, как хотите, структуру церковно-государственных отношений, проведите любые церковные реформации, внесите в храм иконы, или по примеру Епифания разорвите завесу с ликом

Спасителя, проведите соборы с демократичным голосованием или спросите почитаемых духоносцами провидцев и пророков. Дело Златоуста ясно скажет нам из глубины веков: все это уже было. Духовное фарисейство и церковное «фараонство» ни от каких подобных реформ не исчезнут. Равно как и никакие формы церковного устройства, никакие отношения церкви с государством не могут запретить христианское житие и служение по Евангелию. В любое время Златоуст окажется человеком «не ко времени», как и Сам Иисус. В любое время среди всех слоев и групп у него будут враги, но будут и друзья, готовые стоять за его евангельскую правду до смерти.

Подлинно, *Царство Божие не придет с соблюдением!* Пшеница и плевелы, по слову Христову, так и остаются расти на одном поле, и разделит их лишь последняя Божия жатва.

Современное официальное православие являет своих «фараонов», неофициальное – своих старцев, прототипы которых мы уже видели выше. В любой христианской конфессии живы те же тенденции борьбы за «честь и власть», за мирские ценности, те же конфликты якобы духовных с якобы законниками. И тысячи попыток создать очередную «подлинную, самую чистую, самую истинную церковь» - были и провалились. Нет формального и внешнего пути к житию по Евангелию. Но есть Живой Бог, Спаситель всех людей, как каждого в отдельности верующего, так и всей Церкви в целом. Он подает ищущим Его, как приобщение к Духу Христову, так и силы понести евангельское житие. И пример Златоуста здесь – это пример не провала Благой Вести, а ее торжества. Златоуста доныне читают и чтут во множестве христианских народов, а имена и деяния его врагов известны большей частью лишь специалистам-историкам. По той же причине "дело Златоуста" – это серьезный и горький исторический урок для Восточной Церкви в целом, но отнюдь не символ ее "исторической несостоятельности", а показатель сложности реализации подлинного христианства в истории.

Литература

1. Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских Соборов. М. 2004
2. Бренер Р. Иоанн Златоуст: проповедник, епископ, мученик. М. 2006
3. Попов И. В. "Златоуст и его враги" М. 2004
4. Тьерри А. "Крестный путь Иоанна Златоуста" М. 1998
5. Карташев А. В. Вселенские соборы М. 1997
6. Палладий Еленопольский. Диалог Палладия, епископа Еленопольского с Феодором, римским диаконом о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского. М. 2002
7. Деяния Вселенских соборов т.7 Казань 1891 г.